

РОССИЙСКИЕ ЭЛИТЫ НА ПОРОГЕ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦИКЛА

В начале 2016 г. даже самым большим оптимистам в элите стало ясно, что кризис – это надолго. Российское общество к этому времени уже давно прошло кратковременную стадию эйфории, связанную с представлением о том, что санкции являются сугубо формальными, не способными повлиять на экономику страны. Но и следующая стадия – энтузиазм, означавший стремление использовать кризис как шанс для перемен (в том числе для импортозамещения, развития отечественной промышленности и аграрной сферы), также стал уходить. На смену ей приходила третья стадия – депрессия, означавшая как сохранение антизападных настроений, так и ощущение того, что кризис (в том числе связанный с санкциями) носит куда более серьезный характер, чем считалось ранее. Количество тех, кто считает, что дела в стране идут в правильном направлении, к январю 2016-го за месяц снизилось на 11 пунктов – с 56 до 45%. Эта цифра практически соответствует количеству оптимистов, зафиксированному накануне присоединения Крыма – в январе 2014 г. (43%).

Игорь БУНИН, президент Центра политических технологий.

Алексей МАКАРКИН, первый вице-президент Центра политических технологий.

НАСТРОЕНИЯ ЭЛИТЫ

294

Существует точка зрения, что настроения российских элит принципиально отличаются от приоритетов общества в целом. Особенно она распространена среди самых активных сторонников проекта «Новороссия», разочарованных в том, что Россия не развила свою экспансию на территорию Украины. Характерны высказывания Егора Холмогорова, который говорит о «прозападных элитах» и противопоставляет им будущую «национально ориентированную элиту», которую еще предстоит сформировать¹.

В то же время социологические исследования свидетельствуют о том, что настроения российских элит в посткрымской ситуации похожи на реакцию населения страны в целом. В вопросе присоединения Крыма огромная бюрократическая машина российского государства сработала как единый механизм. Присоединение Крыма вызвало у элиты чувство удовлетворения, создало ощущение возрождающегося величия России. Публичный антиамериканизм и поддержка присоединения Крыма приобрели свойство ритуала подтверждения лояльности элит политическому режиму. Сторонники партнерства с Западом и шагов, способных привести к отмене экономических санкций, среди элит есть, но по состоянию на ноябрь 2015 г. эти группы предпочитают отмалчиваться. Ухудшение экономического положения по состоянию на этот же период не оказало серьезного влияния на настроения российских элит².

Другое дело, что в элите эйфорические настроения изначально практически отсутствовали. Наиболее вестернизированная ее часть с самого начала кризиса отношений с Западом в 2014 г. оказалась в состоянии депрессии, а в среде «государственников» депрессивные настроения стали проникать после турбулентности с курсом рубля в декабре 2014 г. Характерен пример весьма консервативного самарского губернатора Николая Меркушкина, который в июне 2015-го обозначил масштабы грядущего кризиса: «Давайте будем, условно говоря, молиться Богу, чтоб мы

1. См.: Холмогоров Е. Зачем Крым наш? // ИА NewsFront, 30.07.2015, news-front.info/2015/07/30/zachem-krym-nash-egor-xolmogorov/.

2. См.: Волков Д. Настроения российских элит после Крыма / Московский Центр Карнеги, Рабочие материалы. 10.11.2015, <http://carnegie.ru/publications/?fa=61925>.

пенсию получали через пять лет», – сказал он. По словам Меркушкина, «все резервы страны уже на будущий год кончатся», если цена на нефть останется на нынешнем уровне³. К тому времени она находилась в районе 60 долларов за баррель (примерно в два раза меньше, чем в начале 2014 г.), а к началу 2016 г. упала еще вдвое.

Начало 2016 г. ознаменовалось резкой активизацией экономических либералов, занимающих ключевые посты в правительстве и банковской сфере. Не оспаривая политику российской власти в международной и оборонной сферах, они сосредоточили внимание на необходимости масштабных реформ в экономике. В январе глава Сбербанка Герман Греф, выступая на Гайдаровском форуме, заявил, что в целом Россия стала «страной-дауншифтером»: оказалась в числе государств, «которые проигрывают», которые не успели адаптировать собственную экономику и всю социальную систему к новой реальности. По словам Грефа, «страны, которые не успели адаптировать собственную экономику, и всю социальную систему, и все институты, они будут очень сильно проигрывать. И разрыв будет, к сожалению, значительно больше, чем в ходе прошлой индустриальной революции».

Высказывания Грефа вызвали резкую критику со стороны консервативной части общества, которая акцентировала внимание на якобы «оскорбительном» для России сравнении с дауншифтером. По сути же грефовских оценок отставания страны возражений не было. Уже в феврале Министерство финансов России дало неутешительный долгосрочный прогноз на ближайшие 15 лет. Инерционный сценарий, предусматривающий отказ от проведения реформ, предусматривает средний рост отечественной экономики в год лишь 0,8%, что означает длительную стагнацию. Добыча нефти и ее экспорт на внешние рынки перестанут расти в 2016 г. Впрочем, министерство рассматривает и оптимистический сценарий, при котором экономический рост в год может составить 2-3 процентных пункта, но даже такой умеренный рост оно ставит в зависимость не только от повышения нефтяных цен хотя бы до 50 долларов за баррель, но и от начала экономических реформ.

3. См.: https://tvrain.ru/news/samarskij_gubernator_prizval_molitsja_o_pensijah-389434/

А Министерство экономического развития в своем мониторинге социально-экономического развития в 2015 г. отметило худшие за 40 лет показатели в розничной торговле, указав, что «нынешний кризис, в частности – из-за продуктовых антисанкций, наиболее тяжело ударил по беднейшему населению, основная часть расходов которого падает на еду». Как представляется, это первая столь жесткая оценка «антисанкционной» политики, исходящая от органа исполнительной власти.

В свою очередь, активизируются и дирижисты (сторонники усиления государственного влияния на экономику), выступающие в качестве оппонентов экономических либералов. Одна из альтернатив была предложена в октябре в докладе Столыпинского клуба (экспертной площадки, сформированной при участии «Деловой России») «Экономика роста». Среди авторов доклада – известный экономист-дирижист Сергей Глазьев, уполномоченный при президенте России по защите прав предпринимателей Борис Титов (объявивший в феврале 2016 г. об участии в думских выборах во главе собственной партии) и бывший замминистра экономического развития Андрей Клепач. Авторы доклада предлагают радикально изменить мандат и политику ЦБ: от «многоцелевого таргетирования инфляции» и «иссушения» денежной массы регулятору следует перейти к стимулированию роста ВВП, в том числе посредством эмиссии. Предлагается ввести элементы валютного регулирования и реформировать налоговую систему, введя льготы для стимулирования инвестиций и технологического обновления.

Характерно, что авторы доклада предлагают также принять меры для снижения административной нагрузки на бизнес (радикально снизить число проверок, сократить количество надзирающих органов и их сотрудников) и повышения независимости судов (создать независимый третейский суд, повысить ответственность судей, ввести институт следственных судей). Таким образом, речь идет об инициативе, направленной на коренной пересмотр экономической политики государства, но при этом дополненной нехарактерными для дирижистов либеральными тезисами в сферах, важных для бизнеса (проверки, суды)⁴.

4. Подробнее см.: Макаркин А. Среднекрупный бизнес: особенности недовольства // Политком.ру. 28.12.2015. politcom.ru/19427.html

Таким образом, серьезные претензии к качеству экономической политики есть у различных элитных групп. Проблема, однако, заключается в том, что реальный курс в значительной степени зависит не от программ, а от действий ведущей элитной группы, которой в современной России являются «силовики», заинтересованные не в экономических реформах и не в создании благоприятного бизнес-климата, а в контроле над предпринимательской сферой.

ДОМИНИРУЮЩИЙ ИГРОК

Если силовики являются ведущей элитной группой, то именно Кремль остается доминирующим игроком в политике и экономике. И его политика при сохранении преемственности характеризуется некоторыми новыми аспектами.

В частности, сокращается количество «неприкасаемых». Примером является судьба одного из давних и влиятельных соратников президента, бывшего президента ОАО РЖД Владимира Якунина. Вначале история с его увольнением в 2015 г. напоминала относительно комфортный уход Бориса Грызлова с поста председателя Государственной думы в 2011 г. Когда Грызлов полностью исчерпал свой политический ресурс, то для него была создана должность постоянного члена Совета безопасности (обеспечивающая прямой выход на президента), а позднее он возглавил наблюдательный совет госкорпорации «Росатом». Также ему был предложен пост полпреда президента в Центральном федеральном округе, но он счел его недостаточно престижным.

Непосредственной причиной увольнения Якунина был его демонстративный отказ сокращать неэффективные расходы ОАО РЖД. Взамен ему предложили лишь пост «рядового» члена Совета Федерации, что вызвало резкое неприятие со стороны Якунина, явно рассчитывавшего на большее. После отказа Якунина от сенаторства ему не предложено никакой компенсации. Более того, в прессе появились компрометирующие Якунина данные об экономических злоупотреблениях, что можно рассматривать как неофициальное предупреждение о недопустимости каких-либо самостоятельных политических амбиций, пусть даже и носящих локальный характер

(появились слухи о возможности поддержки Якуниным партийного строительства во главе с «героем Славянска» Игорем Стрелковым).

Затяжной экономический кризис будет способствовать росту «профилактического» давления власти на элиты с целью обеспечения их лояльности – это относится не только к «своим», но и в еще большей степени к «чужим» для президента фигурам и группам. «Чужие» представители элит обладают намного меньшей степенью защиты – отсюда и их большая уязвимость по отношению к локальным силовым акциям. Характерна серия арестов значимых представителей региональных элит, прошедшая в 2015 г., которая связана с несколькими обстоятельствами:

- с желанием повысить лояльность элит;
- с усилением позиций силовиков, в том числе ФСБ и СКР;
- со стремлением власти использовать в своих интересах востребованную обществом антикоррупционную повестку.

В результате в числе арестованных оказались губернатор Сахалинской области Александр Хорошавин (которого не смог защитить от «силовиков» Игорь Сечин), глава Республики Коми Вячеслав Гайзер (не располагавший достаточной «крышей» на федеральном уровне), вице-губернатор Челябинской области Николай Сандаков (уголовное дело возбуждено за формирование «теневого» избирательного фонда «Единой России» – ранее такие действия предпринимались только в отношении оппозиции) и др.

Примечательны также бизнес-дела, связанные с давлением на крупный бизнес. Если в 2014 г. под домашним арестом оказался глава АФК «Система» Владимир Евтушенков (после этого он потерял одну из контролировавшихся им компаний – «Башнефть» – и уголовное дело против него вскоре было закрыто), то в феврале 2016 г. – главный собственник аэропорта «Домодедово» Дмитрий Каменщик, уже в течение нескольких лет сопротивлявшийся попыткам отобрать у него этот привлекательный актив. Представляется, что причины бизнес-дел заключаются как в переделе ресурсов, так и в желании указать бизнесу на его место, продемонстрировав, что ограниченность прав собственности сохраняется и в настоящее время (самым жестким примером такой ограниченности было «дело ЮКОСа»).

Представляется, что количество таких уголовных дел будет увеличиваться, хотя «нового 1937 г.» (массовых гонений на элиту) ожидать не приходится. Это связано с несколькими факторами:

- нынешняя политическая элита лояльна существующей власти. В течение «нулевых» годов из нее «вытеснены» все неконформистские элементы. В этих условиях нет необходимости не только «давить», но и сильно раздражать элиту – достаточны локальные решения. Тем более что если арест Хорошавина элита восприняла как в определенном смысле закономерное явление, то арест Гайзера произвел куда более «шоковое» воздействие. Во-первых, потому что вместе с Гайзером была арестована значительная часть элиты Республики Коми. Во-вторых, так как до ареста Гайзер считался вполне благополучным губернатором – в отличие от конфликтного Хорошавина;

- прагматизм и деидеологизированность элиты выгодны власти, так как более идеологически ориентированная элита может начать претендовать на определенную степень автономии. Нынешние же политики, как говорилось в советское время, «колеблются вместе с линией партии»;

- коррумпированность элиты снижает ее эффективность, но повышает зависимость. В 1987-1988 гг. переход в оппозицию Бориса Ельцина стал возможен не только из-за относительно мягкой позиции Михаила Горбачева в его отношении, но и в связи с отсутствием на него коррупционного «компромата». В настоящее время такой «компромат» есть практически на всех представителей элиты, что предотвращает возможность «бунта» с их стороны – любой «бунтарь» будет немедленно дискредитирован, причем на основе реальной информации.

Доминирование Кремля в политической сфере сочетается с президентской арбитражной функцией. Так, Путин доверяет Игорю Сечину как госменеджеру в нефтяной сфере, но одновременно выступает арбитром в его взаимоотношениях с другими игроками, не позволяя Сечину превратиться в доминирующую фигуру в отрасли. В ряде случаев (сотрудничество с Китаем, партнерство «Газпрома» с компанией Shell) Путин фактически помогал «Газпрому», который возглавляет не столь энергичный, как Сечин, Алексей Миллер – таким образом, в отрасли было достигнуто динамическое равновесие. Несмотря на свои лоббистские возможности, Сечин по состоянию на начало 2016 г. не смог добиться выделения из федерального бюджета средств на поддержку «Роснефти», причем, в отличие от Якунина, не стал «качать права» и сохранил свой пост.

В то же время можно назвать единственный масштабный случай, где путинская арбитражная функция сталкивается с ограничителем. Это ситуация с Рамзаном Кадыровым, люди которого обвинены в убийстве Бориса Немцова, которое вызвало сильное недовольство Владимира Путина. При этом Кадыров не только подвергался критике со стороны оппозиции и правозащитников, но и конкурирует с влиятельными федеральными силовиками. В результате был достигнут компромисс – ФСБ и СКР могут вести следствие в отношении исполнителей, но Кадыров и его ближайшие соратники оказываются за пределами следственных действий. Такой вынужденный арбитраж может быть связан с несколькими факторами:

- особой ролью Кадырова в Чечне как стабилизирующей фигуры;
- международными связями Кадырова в арабском мире (в Кувейте, ОАЭ, особенно в Иордании, где он поддерживает дружеские отношения с королем Абдаллой II);
- широкими связями Кадырова на федеральном уровне.

Однако кадыровский фактор является исключением, подтверждающим правило, – политическое доминирование Кремля не ставится в настоящее время под сомнение.

КОНСОЛИДАЦИЯ ЭЛИТЫ

В то же время элиты не выглядят полностью иммобильными – они стремятся адаптироваться к меняющейся ситуации. Так, в сентябре 2015 г. на губернаторских выборах впервые (после их возобновления в 2012 г.) победу одержал оппозиционный кандидат, победивший представителя «Единой России». Это произошло в Иркутской области, где губернатором стал коммунист Сергей Левченко. В дальнейшем возможно продолжение управляемой плюрализации системы в сочетании с жестким ограничением деятельности «внесистемной» оппозиции (причем критерий «внесистемности» носит размытый характер и может меняться властью в одностороннем порядке, а к числу такой оппозиции могут относиться как либералы, так и националисты). Примером такой плюрализации должны стать уже думские выборы 2016 г., на которых возможно протестное

голосование за партии парламентской оппозиции (лояльные Кремлю, но критикующие правительство), а федеральная элита пополнится многими депутатами-одномандатниками (прошлые выборы по мажоритарным округам проходили в далеком уже 2003 г.). Однако активность элит и в этих случаях будет ограниченной и осторожной.

Неудивительно, что директор Центра исследований постиндустриального общества Владислав Иноземцев полагает, что опасаться заговора элит Владимиру Путину не стоит как в настоящее время (о чем говорилось выше), так и в будущем, так как существуют три фактора их консолидации. Во-первых, это процесс «расслоения» крупного бизнеса и людей, способных влиять на политические процессы: «недовольные и сомневающиеся либо уезжают из страны, либо переносят свою основную активность за рубеж, либо сосредотачивают там такую часть собственности, сохранение которой позволяет забыть о любых потерях в России». По словам Иноземцева, стратегия «выхода», хорошо отработанная, остается намного рациональнее и менее рискованной, чем стратегия сопротивления, особенно если учесть, что по мере оттока ее сторонников оставшаяся часть элиты становится еще более «упертой» (т.е. консервативной).

Во-вторых, Иноземцев отмечает крайнюю «молодость» российского высшего класса: все состояния и карьеры сделаны за такой краткий срок, что их обладатели не ощущают себя даже в малейшей степени независимыми от режима. Так как в стране нет и давно не было независимых от первого лица «социальных лифтов», то успешную карьеру делают только те, кто не мыслит себя вне режима. И так как эти люди полагают, что персоналистская система правления не переживет смены правителя, то сама идея «подвинуть» президента для подавляющего большинства как политической, так и бизнес-верхушки выглядит глубоко иррациональной. Все иные варианты развития, очевидно, представляются этим людям хуже, чем продолжение нынешнего курса, – и в такой ситуации задачей становится укрепление системы, а не ее подрыв.

В-третьих, по мнению Иноземцева, элиты не видят сегодня существенных угроз «снизу»: народ безмолвствует, гражданское общество отсутствует, политические партии не являются реальными субъектами социальных процессов. «Дворцовый переворот» в таких условиях бессмыслен, так как его некому поддержать, не то чтобы инициировать.

Поэтому, как считает Иноземцев, ухудшающаяся экономическая ситуация в 2016–2017 гг. заставит российскую элиту консолидироваться еще более, чем сейчас. В дальнейшем он видит возможность «чисток» в элитах, жертвами которых станут представители «крайних» групп в элитах (от Чубайса и Грефа до Кадырова), а «средние» и ничем не выделяющиеся бюрократы еще более сплотятся вокруг вождя и активно поучаствуют в дележе собственности и финансовых потоков. В то же время после непростых выборов 2016-го и 2018 гг. основной своей задачей элита сочтет выработку схемы перехода от сохранения режима к перпетуации (упрочению, увековечиванию) системы. По мнению Иноземцева, к моменту завершения путинской эры в 2024 г. стране может быть предложена модель, напоминающая либо китайскую, либо мексиканскую и гарантирующая верхушке бесконечно долгий контроль над страной⁵.

Оценки Иноземцева заслуживают внимания (по крайней мере, на среднесрочную перспективу), хотя вопрос о переходе в будущем к китайской или мексиканской моделям представляется далеко не столь очевидным – российская специфика сильно отличается от таких вариантов развития. Да и вопрос о том, что в роли проигравших окажутся именно «крайние» группы, представляется далеко не столь ясным – можно вспомнить печальную судьбу губернатора Гайзера, далекого от каких-либо «крайностей».

И, наконец, после 2018 г. ситуация может начать меняться, причем не столь эволюционно, как в схеме «перпетуации». Вряд ли придется сомневаться в том, что если не произойдет чего-либо экстраординарного, то Владимир Путин выиграет следующие президентские выборы. Однако переизбираться на третий срок подряд по Конституции Путин не имеет права, а в прошлом он отказывался от конституционных изменений по центрально-азиатскому образцу, направленных на продление его пребывания у власти. В этих условиях элита может начать воспринимать президента как уходящего, а следовательно, борьба за ресурсы и позиции в ее среде еще более усилится, что может привести не к увековечиванию системы, а к росту политической турбулентности. Не исключено, что следующая легислатура Путина будет отмечена сильными внутриэлитными конфликтами.

5. См.: Иноземцев В. Революции не будет // The New Times. 2016. №4 (395), <http://www.newtimes.ru/articles/detail/107534>.